

Дедушка Чэн кивнул и тут же, следуя описанному Чэн И методу, начал пытаться улавливать духовную энергию, содержащуюся в воздухе.

Всего за пять минут дедушка Чэн успешно ощутил присутствие духовной энергии и сразу перешёл к следующему шагу.

Хотя описание старшего внука было достаточно ясным, и он подробно описал все возможные проблемы, раз это был первый опыт, дедушка Чэн пробовал несколько раз, задал Чэн И ещё несколько вопросов и лишь затем постепенно освоил основные принципы.

После того как основные принципы были освоены, дальнейшее пошло гораздо проще.

Дедушка Чэн сосредоточился на впитывании духовной энергии, а Чэн И тем временем уселся рядом с малышом, достал из пространственной кнопки маленький столик и разложил на нём несколько любимых лакомств малыша:

- Дедушке, вероятно, потребуется много времени на практику. Янь-янь, сначала перекуси и отдохни.

Будь то Ань Янь в форме хомяка или Ань Янь в человеческой форме, по сути он был настоящим любителем поесть. Увидев столько своей любимой еды, Ань Янь тут же засверкал глазами и с удовольствием принялся грызть.

Чэн И подготовил для него в основном такую еду, которая была вкусной, приятно хрустела на зубах, но от которой нельзя было объесться, поэтому Ань Янь, сколько ни грыз, испытывал лишь удовлетворение, а животик у него не надувался.

Дедушка Чэн, находившийся неподалёку, убедившись, что освоил технику впитывания духовной энергии, позанимался совсем недолго и открыл глаза.

Раз он уже освоил основные приёмы, незачем заставлять этих двоих детей всё время сидеть с ним. Но когда он открыл глаза, то увидел, как его старший внук с нежным выражением лица маленьким платочком тщательно вытирает крошки еды с уголка рта маленького хомяка - и его тут же ослепило.

В душе дедушки Чэна закипело возмущение, он без колебаний взмахнул крыльями, прерывая эту совершенно невыносимую сцену.

Затем кончиком крыла указал на флакон с препаратом, стоявший на столе, давая понять, что хочет вернуться в человеческую форму.

Чэн И позволил малышу продолжать есть, сам встал, взял со стола препарат, открыл его и поднёс к клюву дедушки Чэна.

После превращения в форму сокола рот дедушки Чэна тоже стал птичьим клювом. Подумав, он широко раскрыл клюв и задрал голову, позволяя Чэн И просто вылить препарат внутрь.

Напоив дедушку лекарством, Чэн И даже не стал дожидаться, пока тот вернётся в человеческую форму, а сразу подошёл и поднял маленького хомяка, заодно прикрыв ему глаза:

- Янь-янь, пока не смотри.

Дедушка Чэн, которого бросили одного и вдобавок превратили в какого-то чудного деда: «...» Парень, у твоей ревности слишком широкий диапазон, тебе не кажется?

Но хотя в душе дедушка Чэн и возмущался старшим внуком, после того как он благополучно вернулся в человеческую форму, он очень сознательно первым делом оделся.

Он внимательно прислушался к состоянию своего психического поля и с потрясением обнаружил, что всего за какие-то десять с лишним минут его психическое поле стало намного лучше, чем раньше!

Оказывается, таким способом действительно можно самостоятельно восстанавливать повреждения психического поля!

Хотя он уже знал из слов Чэн И о преимуществах такого метода, когда он сам воочию ощутил изменения в психическом поле, его всё равно накрыло мощной волной потрясения.

- Дедушка, как ты сейчас себя чувствуешь? - Чэн И убрал руку, прикрывавшую глаза малышу, и спросил.

Дедушка Чэн с потрясённым и сложным выражением лица посмотрел на маленького хомяка на руках у старшего внука и сдержанно произнёс:

- Как ты и описывал, после впитывания духовной энергии моё психическое поле действительно значительно улучшилось.

- Ну и хорошо, - кивнул Чэн И. Ань Янь тоже облегчённо вздохнул и радостно сунул в рот ещё один орешек.

Глядя на их лица, дедушке Чэну очень хотелось спросить: «А вы вообще понимаете, какой шок и какое влияние это произведёт на всё человечество, если эти сведения разгласятся?!»

Любой из этих пунктов - будь то превращение человека в животное, или восстановление психического поля путём впитывания духовной энергии, или повышение верхнего предела ментальной силы - любое из этого само по себе способно потрясти всё человечество, серьёзно!

Так как же вы можете оставаться такими спокойными?!

Но в конце концов дедушка Чэн сдержался. Будучи старшим, даже если в душе у него бушевали огромные волны, он ни в коем случае не мог потерять самообладания перед младшими – это было очень важно.

Поэтому дедушка Чэн, мысленно неистово вопя, с невозмутимым видом произнёс:

- Спасибо тебе, Ань Янь. Впредь, надеюсь, ты поможешь мне приготовить ещё несколько флаконов трансформационного препарата.

Ань Янь расплылся в маленькой улыбке и с гордостью похлопал себя по маленькой груди:

- Пик-пик-пик! Это дело поручи мне!

И вот полчаса спустя в комнате дедушки Чэна появилось целых сорок флаконов трансформационного препарата: двадцать из них – для превращения в животную форму и ещё двадцать – для возвращения в человеческую.

Передав эти препараты дедушке Чэну, Чэн И пожелал дедушке «спокойной ночи» и унёс Ань Яня в свою комнату.

Хотя ему очень хотелось оставить малыша спать в своей постели, учитывая маму Ань, которую он с таким трудом успокоил днём, Чэн И мог лишь с неохотой сказать:

- Янь-янь, возвращайся пораньше отдыхать. Увидимся завтра.

Ань Янь кивнул:

- Пик-пик-пик! Увидимся завтра.

- Спокойной ночи, Янь-янь. И ещё... – Чэн И не удержался и легонько поцеловал маленького хомяка в лоб, а затем предельно мягким голосом произнёс: - Спасибо тебе, Янь-янь.

Ань Янь почему-то смутился, ещё два раза пискнул и выпрыгнул в окно.

Прежде чем вернуться в свою комнату, Ань Янь специально заглянул в окно комнаты мамы Ань, убедился, что она сейчас отдыхает у себя, и только тогда облегчённо вздохнул.

А затем, когда он вернулся к себе через окно, превратился в человеческую форму, оделся и повернул голову, он увидел на своём письменном столе вазу для фруктов, полную дыни-хами.

Ань Янь: «...» Кажется, ситуация не очень хорошая.

Чувствуя себя виноватым, хотя до этого он уже съел много закусок, Ань Янь всё же умял

большую часть дыни-хами из вазы и лишь после этого почистил зубы и лёг спать.

На следующее утро, спустившись завтракать, Ань Янь долго мялся, но в конце концов решился сам извиниться перед мамой Ань:

- Мама, это... вчера вечером... прости меня...

Вчера днём мама только что выговаривала ему, а вечером он снова тайком убежал. Мама, наверное, очень рассердилась.

Мама Ань на самом деле не сильно сердилась. Хотя поведение сына действительно было для неё неожиданным, раз Чэн И искренне относится к её сыну, иногда лазать в окно – не такая уж проблема, можно считать это маленькой романтической шалостью влюблённых.

И чем больше мама Ань думала, тем больше понимала, что, учитывая, как сильно Чэн И дорожит её глуповатым сыном, он не мог сам предложить, чтобы сын лазал к нему в окно.

Поэтому, перебрав в уме все варианты, мама Ань в конце концов пришла к выводу: раз её глуповатый сын несколько раз лазал в окно, значит, он сам это предложил и сам настаивал на таком способе.

Сделав этот вывод, мама Ань действительно испытала сложные и тонкие чувства. Она никак не ожидала, что её обычно послушный, воспитанный и простодушный сын может любить такие свидания – через окно.

Но такие вещи она не могла прямо обсудить с сыном, подумала и решила оставить как есть.

Подумав об этом и увидев тревожный взгляд сына, мама Ань, ещё больше укрепившись в своей догадке, не удержалась от вздоха:

- Ничего страшного, в следующий раз просто будь осторожен.

Ань Янь не знал, что мама Ань уже сделала для его поведения однозначное заключение, и, услышав её слова, очень обрадовался:

- Спасибо, мама! Я обязательно буду очень осторожен!

Увидев, как у сына глаза засияли от радости, мама Ань почувствовала себя ещё более неловко.

Позавтракав, Ань Янь вместе с братьями Чэн отправился в университет.

По дороге Чэн И сам заговорил с Ань Янём о соревнованиях по пилотированию мехов в университете.

Запись на соревнования по пилотированию мехов начиналась в октябре, регистрация длилась месяц, а сами соревнования начинались в ноябре.

Хотя до официального начала соревнований оставалось ещё время, обсудить их заранее никогда не вредно.

Ань Янь, занятый до этого другими делами, совсем забыл об этом, и, внезапно услышав напоминание от Чэн И, слегка опешил, а затем, как бы уточняя, спросил:

- Старший, ты правда хочешь участвовать в паре со мной?

Чэн И уверенно кивнул:

- Я буду участвовать только в паре с тобой.

- Но... - Ань Янь хотел сказать, что в его нынешнем положении, наверное, не стоит готовить препараты на людях, ведь ещё раньше Чэн И специально предупреждал его, чтобы он в университете по возможности избегал приготовления препаратов.

Но, подумав, что рядом находится Чэн Ян, Ань Янь осторожно переформулировал:

- Я, наверное, не очень подхожу для участия в таких соревнованиях?

Чэн И мгновенно понял опасения Ань Яня:

- Янь-янь, не волнуйся, все эти вопросы можно решить.

- Правда? - глаза Ань Яня засияли. На самом деле, если отбросить некоторые опасения, ему самому очень хотелось бы участвовать вместе с Чэн И в этих соревнованиях - неважно, каким был бы результат.

- Да, - твёрдо кивнул Чэн И.

Когда он тогда советовал малышу быть осторожным и не раскрывать себя, он ещё не знал, что в маленьком существе скрыто гораздо больше и более грандиозных секретов, и думал, что если просто скрываться, можно избежать тревог.

Теперь он понимал, что тогда он смотрел на проблему слишком просто.

Малыша несёт в себе такое огромное сокровище, что его сияние, вероятно, невозможно будет скрыть. Вместо того чтобы сейчас только и делать, что прятаться, не лучше ли постепенно приоткрыть уголок этого сокровища, а затем действовать по обстоятельствам.

Разумеется, при условии, что безопасность малыша будет обеспечена.

Ведь на такое сокровище, способное озарить всё человечество, любой, кто на него взглянет, вероятно, позарится.

При этой мысли в глазах Чэн И мелькнул тёмный отблеск, и он незаметным движением положил руку на спинку стула малыша, как бы невзначай приобнимая его:

- Янь-янь, не волнуйся, я защищу тебя.

Ань Янь, не задумываясь о скрытом смысле, с огромной благодарностью сказал:

- Спасибо, Старший!

Чэн Ян, у которого от этих речей уже свело зубы, передёрнул плечами и с обиженным видом ещё теснее прижался к углу сиденья:

- Вы не можете при мне не демонстрировать свои нежности, что ли?!

У одиноких собак тоже есть права, блин!

Чэн И тут же сердито посмотрел на младшего брата, а Ань Янь с недоумением спросил:

- А что значит «демонстрировать нежности»?

Чэн Ян, слабый, беспомощный и обиженный, покачал головой:

- Ничего, это я не то сказал. Продолжайте.

Это он был слишком наивен. Разве у одиноких собак могут быть права? QAQ

<http://bllate.org/book/12415/1106159>